

Ребрин Л. Н. Семантико-мотивационные характеристики неолексем вражды: дискурсивное раскрытие внутренней формы слова / Л. Н. Ребрин // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 141—155. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155.

Rebrina, L. N. (2020). Semantic and Motivational Characteristics of Neolexemes of Enmity: Discursive Disclosure of Inner Form of the Word. *Nauchnyi dialog*, 8: 141-155. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155. (In Russ.).

УДК 811.161.1*373.43::392.77

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-141-155

СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕОЛЕКСЕМ ВРАЖДЫ: ДИСКУРСИВНОЕ РАСКРЫТИЕ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА¹

© Ребрин Лариса Николаевна (2020), orcid.org/0000-0003-0512-980X, ResearcherID G-6420-2015, Scopus Author ID 56241972800, SPIN 3971-1615, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры германской и романской филологии, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет» (Россия, 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100); ведущий научный сотрудник кафедры языков массовой коммуникации, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» (Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19), lnrebrina@volsu.ru.

В статье изложены результаты исследования ряда русскоязычных неолексем, функционирующих в интернет-коммуникации в течение последних двух десятилетий. Объектом анализа выступили обозначения субъектов с суффиксом *-oid* (*истероид*, *оранжойд* и др.). Эти лексические единицы по своим прагматическим компонентам значения причисляются нами к лексике вражды, объединяются особой ролью структурного мотиватора при формировании мотивационного значения. Описываются семантико-мотивационные характеристики существительных. Определяются их лексемы-партнеры. Делаются выводы о влиянии нетипичной комбинаторики на значение словообразовательного компонента и на трансформируемый классификационный признак; о размывании границ между разными вариантами языка и стилями. Показано, что в ближайшем контексте вербализуются свойства, приписываемые обозначаемым субъектам. Анализируются закономерности дискурсивного раскрытия внутренней формы изучаемых единиц посредством экспликации мотивационных связей в рамках разных типов мотивации. Выявлено, что наиболее частотным способом актуализации мотивационных моделей в речемыслительных стратегиях адресанта в интернет-коммуникации являются экспликация лексической мотивации и метатекстовая мотивация, менее частотны экспликация

¹ Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс).

структурной мотивации иokkaзиональная авторская мотивация. Показано, что специфика дискурсивных практик влияет на рефлектирующее сознание адресанта, а закономерности репрезентации мотивационных моделей преломляются через признаки дискурса.

Ключевые слова: лексика вражды; обозначение субъекта; мотивация; семантика; внутренняя форма слова; структурный мотиватор; лексический мотиватор.

1. Мотивированность как глобальная универсальная категория

Обусловленность языка — важнейшая его характеристика, что объясняет активный исследовательский интерес к механизму мотивации, не получившему на сегодняшний момент должного осмысления. Мотивированность является глобальной, универсальной лексико-семантической категорией, связанной с ономазиологией, семасиологией, синтагматикой, парадигматикой, эпидигматикой, языковым сознанием, множеством экстра- и лингвистических факторов; позволяющей реализовать подход к лексической единице (ЛЕ) как к целостной (семантической и структурной) единице системы [Блинова, 2012; Cano, 2020; Gombocz, 2013, с. 45—56] и, соответственно, к языку — как к социально-исторически, социокультурно, онтологически, психофизиологически, гносеологически и прагматически обусловленному феномену [Хазимуллина, 2015; Haarich, 2013, с. 64—68, 265—266; Olostiak, 2019]. Обращение к номинативно-мотивационным отношениям позволяет охарактеризовать отражательность / индексальность структуры языка и знака, связь языковых и ментальных категорий, обусловленность языковых фактов неязыковыми, корреляции актуальных фактов языка с предшествующими [Хазимуллина, 2015; Anscombe, 2019; Chishman et al, 2020; Umbreit, 2010]. Номинативно-мотивационные модели детерминируют функционирование номинативной, лексико-семантической системы языка.

Мотивированность является ядерным, системным, самостоятельным и независимым от функциональных или системных атрибутов ЛЕ структурно-семантическим свойством слова, раскрывающимся в относительной взаимообусловленности формальных, семантических, функциональных и значимостных характеристик ЛЕ на уровне системы языка и в речи, во взаимосвязи потребностей, представлений носителей языка и языкового знания [Хазимуллина, 2015; Alves, 2011; Balestero et al, 2020; Ulrich, 2017, 2020]. Связь формы и содержания представляется рациональной, определяемой лексической и структурной соотносительностью единиц. Соотносясь, то есть мотивационно связанные единицы (мотивированное слово — мотивема; мотивирующие слова — лексические мотиваторы (ЛМ) и структурные мотиваторы (СМ)) конституируют мотивационную парадигму, представляющую (наряду с мотивационными контекстами) ЛЕ как элемент языкового, метаязыкового сознания, см. [Блинова, 2012]. Внутренняя

форма слова (ВФС) образуется мотивационной формой (МФ — значимые, обусловленные мотивированностью компоненты материальной оболочки ЛЕ) и мотивационным значением (МЗ — (синтетическое) значение мотивационной формы, имеющее промежуточный характер между словообразовательным и лексическим значением ЛЕ), которые в своей совокупности составляют морфо-семантическую структуру слова. ЛМ выражает мотивировочный признак (МП), а СМ — классификационный признак (КП) [Блинова, 2012]. Перспективным направлением представляется мотивационный анализ лексико-семантических категорий. Описание ВФС лексической парадигмы позволяет охарактеризовать обобщенные МП, КП и номинационные признаки (НП) и, тем самым, номинативно-мотивационные модели, релевантные для определенной лингвокультуры или отдельной предметной области. Разная соотносительность единиц обуславливает вид ВФС: живая (осознается и может быть объяснена современными носителями языка) и мертвая; метафорическая (отражает, лежащее в основе формирования мотивационного значения ЛЕ отношение подобия) и неметафорическая; вариантная (конституируемая разными МФ и МЗ) и невариантная; лексикализованная (компонент(ы) МФ выделяются, но не интерпретируются носителями языка) и нелексикализованная. Тип мотивированности задают: а) «объекты соотнесения» — абсолютная (объект соотнесения — внеязыковая действительность, как в случае фонетической мотивированности) и относительная (объект соотнесения — ЛМ и СМ); полная или частичная (по наличию / отсутствию лексической и структурной соотнесенности с другими ЛЕ); б) средства номинации и выражения мотивированности — фонетическая, морфологическая (лексическая и структурная) и семантическая мотивированность.

2. Анализ дискурсивного раскрытия внутренней формы слова на материале интернет-коммуникации и электронных СМИ: релевантные мотивационные модели

Объектом изучения является ряд актуальных ЛЕ (неолексем) с семантикой вражды, используемых для обозначения субъекта в СМИ и интернет-коммуникации во временном периоде 2000—2020 гг., объединяемых общим структурным мотиватором (ЛЕ с суффиксом *-oid*) и особой ролью СМ при формировании МЗ. В качестве материала исследования используются лексикографические источники, данные серверов Яндекс.Статистика (<https://wordstat.yandex.ru/>), Яндекс.Блоги (<https://yandex.ru/blogs/>), корпус коротких текстов RuTweetCorp (<http://study.mokoron.com/>); интернет-контент. Применяется комбинация системоцентрического / лексикоцентрического и тексто-

центрического подходов; мотивационный и функционально-семантический контекстный анализ, характеризуются сочетаемостные свойства ЛЕ.

ВФС представляет собой сосредоточение системных лексических отношений. Будучи связанной с принципом, способом и средством номинации, она отражает ассоциативность мышления и мотивированность ЛЕ как вербализуемый результат «толкования» действительности. При этом в ВФС интерпретируется результат комплексного, основывающегося на взаимодействии разных модусов восприятия посредством выдвигания значимого в конкретной коммуникативной ситуации признака обозначаемого объекта, соотносящегося с МП (эксплицирующая, гносеологическая функция ВФС) [Блинова, 2012]. ВФС раскрывается в дискурсивных практиках посредством разнообразной реализации мотивационных связей, актуализации мотивационных моделей в речемыслительных стратегиях адресанта [Кишина, 2011]. В рамках последних мотивационные отношения могут получать полную (эксплицируется соотносительность с ЛМ и СМ) и неполную актуализацию (представлена связь с одним типом мотиваторов) [Ахманова, 2013; Блинова, 2012]. ЛМ характеризуются в большей степени дистантной, чем контактной актуализацией и частеречным разнообразием, тогда как среди актуализаторов СМ преобладают контактно или дистантно расположенные существительные [Блинова, 2012]. При этом признаки дискурсивных практик влияют на закономерности языковой, метаязыковой рефлексии.

К интересующим нас случаям мы относим группу неолексем, образованных с помощью суффикса *-оид*, используемых для обозначения субъекта, отличающихся закрепившейся за ними негативной коннотацией и иллюстрирующих трансформацию классификационного признака структурного мотиватора ввиду нетипичной комбинаторики словообразовательной единицы. Данный суффикс (от греч. εἶδος «вид, внешность, образ») характерен для терминологических единиц специальных языков (ср. *монголоид, негроид, шизоид, истероид, антропоид, сфероид, планетоид, дифтонгоид* и др.), образуя существительные мужского рода и привнося значение «похожий, подобный лицу или предмету, называемому мотивирующим именем существительным»; см. словарную статью о данном словообразовательном компоненте [Ефремова, 2000]). Анализируемые ЛЕ причисляются нами к лексике вражды на основании парадигматических компонентов их значения (подгруппы «Борьба», «Оскорбления») и относятся к следующим подмножествам: а) обозначения субъекта, образованные от наименований рода занятий или общественно-политических течений (*либероид*); б) обозначения субъекта, образованные от собственных имен (*путиноид*); в) обозначения субъекта, образованные от прецедентных имен (в том числе хронимов,

сопряженных с определенным ценностным отношением) (*оранжюид*) (см. табл. 1). ВФС ЛЕ не обуславливает их оценочную семантику. Контексты из привлеченных источников эмпирического материала подтверждают реализацию данными ЛЕ исключительно негативной оценки и функциональные ограничения прагматического характера (ЛЕ используется только противниками указанных в п. а, б и в лиц). Данное наблюдение и серийный характер соответствующих негативных обозначений позволяют сделать вывод о коннотативно обусловленном переосмыслении значения СМ (связанном в том числе и с индивидуальными коннотациями ЛМ у адресантов), о негативной интерпретации подобия ('подобный, но ущербный, ненормальный'). Приведем примеры употребления частотных СМ с контекстуально обусловленной и закрепившейся в рамках массовой коммуникации (не в специальных текстах) негативной коннотацией, обуславливающей дальнейшую трансформацию КП при образовании неологем — *гоминОИД*, *гуманОИД*, *шизоИД*, *истерОИД*: *Итак: Лебедев нацист. Развожаев садист. Удальцов изворотливый истероид* (2012) [АА]; *Неизбежно возникает социальный конфликт не брезгующих никакими средствами истероидов с обществом и его законами* (2012) [АА]; <...> *гоминоида* <...> — <...> *обозначают у разных народов одно: дикое волосатое человекоподобное существо* (2004) [АА]; *То, что он увидел, было посильнее известной картины «Трактир у заставы»! <...> большое количество бухих гуманоидов. То, что плавало в остатках молдавского вина, был мужик <...> в состоянии совершенно стеклянного алкогольного опьянения* (2001) [АА]; *Землю захватили <...> злые, волосатые, трехметровые гуманоиды. Людей они превратили в рабов* (2001) [АА]; *Люблю я поиздеваться над политическими шизоидами <...> Регулярно повод дают* (2019) [АА]. За названным суффиксом закрепляется новое значение 'подобный называемому ЛМ, но недо- / неполноценный / ненормальный / недоделанный, ущербный / нечеловек' (то есть к первоначальному признаку подобия добавились признак неполноценности и отрицательная оценка; КП СМ: 'ненормальный, подобный тому, что названо ЛМ'). Образованная с его помощью серия существительных — наименований субъекта регулярно употребляется для выражения негативного, уничижительного отношения к кому-либо. Оценочность данных ЛЕ обуславливается трансформированным значением СМ и, как следствие, модифицированным КП (причины: нетипичная комбинаторика суффикса и сфера функционирования новых ЛЕ) и индивидуальными коннотациями, связанными с ЛМ. ВФС описываемых единиц — живая, метафорическая; мотивированность — полная, относительная, морфо-семантическая; НП — «свойство подобия»; см. мотивационный анализ в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Мотивационные характеристики ЛЕ

ЛЕ	МФ	ЛМ	СМ	МП	МЗ	Мотивационный контекст
<p>либероид (ЛЕ введена С. Е. Кургинаном)</p>	<p>ЛИБЕР/ОИД</p>	<p>либерал (ср. либер — презр. о либерале: <i>Какие же либеры эти ... подлые; ... Либеры во всей своей гнусности...</i> [ЯБ]).</p>	<p>шизОИД, трампонОИД, оранжОИД, глыцинОИД, клинмонОИД;</p>	<p>«субъект, имеющий отношение к либералу»</p>	<p>«<</p>	<p><i>Макаревич не либерал, а либероид</i> (2019) [АА]</p>
<p>ЛЕ-партнеры</p>	<p>коллакаты из корпуса Лидс: <i>отъявленный, упорный; поступать; уничтожать; кричать</i></p>					<p>вербализуемые признаки: «известный отрицательными качествами», «опасный»</p>
<p>оранжсид¹: сторонники В. Ющенко, активисты «оранжевой революции» — акций 2004—2005 годов на Украине; оранжсид²: участники / сторонники митинга на пл. Болотной в Москве в 2012 году (сравнение с оранжевой революцией)</p>	<p>ОРАНЖ/ОИД</p>	<p>оранжевый (связанный с оранжевой революцией)</p>	<p>гоминОИД, гуманОИД, либерОИД и др. КП: см. выше</p>	<p>«субъект, связанный с оранжевой революцией»</p>	<p>«<</p>	<p><i>Мы заявили <...> свою <...> глубочайшую ненависть к оранжсидам. <...> А затем <...> дали отпор <...> народным митингом против «оранжевой чумы»</i> (2015) [АА]</p>

ЛЕ	МФ	ЛМ	СМ	МП	МЗ	Мотивационный контекст
ЛЕ-партнеры	(интернет-коммуникация) явный, убежденный, законченный, главный, одиозный, коварный, диоксиновый, типичный, беспринципный, бездейственный, известный; следующие глагольные единицы, сочетающиеся с ЛЕ в функции синтаксического субъекта: говорить, отрицать, рассказывать, муссировать стоять	Путин	ельцинОИД, клинтонОИД, трампонОИД; КП: см. выше	«субъект, имеющий отношение к Путину»	<<	вербализуемые признаки: «агрессивный», «непорядочный», «неприятный»
путинoid (синонимичная ЛЕ — кремлоид)	П И О /НИП П					путинoid — это человек, уверовавший в Путина как в божька (2017) [АА]
ЛЕ-партнеры	(интернет-коммуникация) нервный, психический, упоротый, остервенелый, маниакальный, стопроцентный, оголтелый, взбесившийся, ватный, прозомбированный, зомбо-ватный, тупой, верный, обычный, типичный; верить, косячить, поливать грязью, решить, говорить, писать, вызывать (какую-либо реакцию), ненавидеть					вербализуемые признаки: «эмоциональный», «неумный», «настойчивый», «легковерный»

Рассмотрим выявленные закономерности дискурсивного раскрытия ВФС в интернет-текстах на политические темы.

Актуализация узуальных мотивационных связей ЛЕ может носить текстовый и метатекстовый характер.

I. Как показывает анализ материала, текстовая актуализация осуществляется посредством экспликации лексической или структурной соотнесенности с мотиваторами.

А) Лексическая мотивация (экспликация ЛМ в высказывании).

*Оранжеид ← оранжевый (дистантная): **Оранжевую** чуму наверное спонсирует **оранжевый** вор, которому понравилось как **оранжеиды** подзарабатывают деньги (2007) [AA].*

*Путиноид ← Путин (дистантная): Почему-то **путиноидов** принято жалеть. <...> они 20 лет под **Путиным**, и их зомбировали (2019) [AA]; Наконец, **путиноид** — это человек, уверовавший в **Путина** как в божка. <...> Тут — “я чувствую, что **Путин** дан России Богом”... (2017) [AA].*

*Либероид ← либерал (контактная и дистантная): Макаревич не **либерал**, а **либероид**. **Либерал** минус чувство справедливости = **либероид** (2019) [AA].*

Б) Структурная мотивация (экспликация СМ в высказывании).

*Либероид ← шизОИД (контактная): **Либероид** — (**либерал-шизоид**), ненавидит «совок» и всё связанное с ним, нынешнюю власть, а так же всех кто не разделяет его мнение (2018) [AA].*

Функционирование мотивационно связанных ЛЕ в контексте служит выдвигению фиксируемых ВФС признаков обозначаемого субъекта и, тем самым, усилению образа, стимулированию инициации разделения формируемого отношения.

II. Метатекстовая мотивация (экспликация метаязыкового сознания, характера отношений между мотивационно связанными ЛЕ посредством указания на МЗ или МП, возможно, также и КП).

***Либероид** — (**либерал** и **андроид** — человекоподобный робот) — **либералоподобный** (2011) [AA] (эксплицируется КП, МП, выводится в общем виде МЗ).*

***Либералы**, которых ещё называют “**либероидами**” (не путать с ЛДПР, хотя эта партия тоже не подарок...), — это **либералы-западники**, те силы, **которые** проводят в России политику десоветизации и десталинизации. **Либероиды** настроены на организацию в России новой перестройки (Перестройка-2) (2012) [AA] (эксплицируется МП).*

В приводимом далее примере метатекстовой мотивации имеет место индивидуально-авторская (не узуальная, более нигде не зафиксированная)

мотивация (*либероид* ← *либераст*): *Почему я называю российских либероидов либероидами, а не либералами? Потому что они не либералы, а либерасты, но слово «либераст» звучит не политкорректно* (2017) [AA].

Частотным признаком метатекстовой мотивации (см. также предыдущий пример) является экспликация адресантом собственной языковой стратегии: *Для того, чтобы обойти эту «семантическую ловушку», нужно использовать правильные слова. Попытки называть их полуматерными словами, вроде «либерастов» и «дерьмократов», это не выход, так как эти слова скорее показывают отношение к либерализму и демократии, чем к конкретным людям. И, главное, эти слова не могут стать общеупотребительными ... Поэтому я предлагаю использовать <...> термин «либероиды», если данный термин будет введен в общероссийский лексикон, то мы семантически уничтожим либероидов ...* (2011) [AA].

При этом рефлектирующее сознание адресанта социально ориентировано, имеет идеологическую направленность, что обуславливается уже спецификой самих дискурсивных практик, то есть метатекстовая мотивация преломляется через признаки дискурса. В рамках анализируемых практик (в том числе и по причине подчиненности рефлектирующего языкового сознания манипулятивным установкам, см. также: [Кишина, 2011]) это приводит к частому построению метатекстового комментария в формате противопоставления субъектов на оси «сторонник — противник», к раскрытию МП или МЗ «от обратного» (см. примеры выше). Посредством противопоставления задается вектор оценки, актуализируются индивидуальные коннотации адресанта. Противопоставление и вышеназванные установки диктуют предпочтение адресантом ЛЕ с ВФС, акцентирующей негативные признаки обозначаемого субъекта для построения желаемого (отрицательного) образа оппонента, что иллюстрируют описанные КП, а также ЛЕ-партнеры, указывающие на приписываемые называемому субъекту и фиксируемые в представлениях носителей языка неодобряемые признаки. Приданию глубины создаваемых образов служит и актуализация синонимических, гиперо- или гипонимических связей мотивемы, мотиватора.

Комментарий адресанта к слову (часто эксплицирующий ЛМ) может иметь форму «диалогической» [Кишина, 2011], а точнее, полемической цитации (предъявление положительного суждения самого субъекта о себе или другого лица о данном субъекте с последующим опровержением, противопоставлением, негативной интерпретацией). Например: *Либероид* — это человек, который *про себя говорит*, что он либерал и демократ, но

действует прямо **обратно либеральным** принципам и плюёт на демократию (2017) [АА].

III. Оказиональная авторская мотивация (индивидуальное, оказиональное сближение, комментирование слов). Наиболее часто данный вид мотивации реализуется метафорической мотивированностью, когда негативные признаки обозначаемого субъекта метафорически обыгрываются, подбирается соответствующий, задающий желаемое ценностное отношение образный репрезентант и поясняются причины выбора (при этом может формироваться организующий композицию сообщения адресанта рекуррентный образ). Например: *Оранжевид, что **налим** — склизкий, не ухватишься, хоть и **хомяк*** (2013) [АА]. Реализуется ЛСВ² ЛЕ *оранжевид*, см. таблицу (табл. 1). Адресант использует зооморфную метафору (указывая на мотивировочный признак метафорической номинации) и в рамках того же предметно-тематического кода выстраивает противопоставление признаков субъекта (толстый как хомяк и скользкий как налим); номинации выполняют функцию опосредованной характеристики. При этом слово *хомяк* способствует созданию эффекта иронии, будучи употребленным одновременно в двух своих значениях: (а) обозначение животного, символизирующего определенные признаки; (б) политический сленгизм *хомяк* — обозначение белоленточника <с 2006 года белая лента неоднократно использовалась как символ протеста>, то есть представителя оппозиции. Следует также отметить, что ЛЕ *хомяк* демонстрирует большой потенциал развития полисемии в субстандартных вариантах языка; например, в коммуникации предвыборных компаний сленгизмом *хомяк* обозначается простой электорат; в банковской сфере — обычные простые люди, народ; в интернет-форумах — глупый, захваченный стадным чувством субъект.

В целом для относимых к лексике вражды неолексем — обозначений субъекта наиболее характерны медицинская, зооморфная и криминальная метафоры. Следует отметить, что на фоне растущего интереса носителей языка к намеренному словотворчеству, а также активизации метаязыковой рефлексии (см. сетевые проекты «Неологизм года», «Слово года», «Дар слова: еженедельный лексикон Михаила Эпштейна») обращение лингвистов к оказиональной авторской мотивации представляется самостоятельной интересной и актуальной задачей.

Количественный анализ отобранных контекстов, иллюстрирующих дискурсивное раскрытие ВФС описываемых обозначений субъекта, показывает, что наиболее распространенным способом репрезентации мотивационных моделей данных ЛЕ в политической интернет-коммуникации является экспликация лексической мотивации (рис. 1).

Рис. 1. Способы дискурсивного раскрытия внутренней формы слов *либероид*, *оранжеоид*, *путиноид*

3. Выводы

Структурные мотиваторы, выполняя концентрирующую и стимулирующую функции, обладая самостоятельной познавательной ценностью, играют значимую роль при формировании семантики единиц и мотивационных отношений в лексико-семантической системе языка. Использование нетипичной комбинаторики специальных словообразовательных средств, ведущее к трансформации значения структурных компонентов, коммуникативное, прагматически обусловленное смягчение стилистических границ между стандартным и субстандартным вариантами языка, интеллектуализация (частотность апелляции к ассоциациям, установка на разгадывание), интенсификация (ориентированность на трансгрессивность, экспрессивизацию), активность онимов в функции словообразовательного компонента и аффиксов с отрицательным оценочным значением являются актуальными характеристиками современного именного словообразования. Названные характеристики способствуют расширению реализаций возможностей системы языка и отражают импозитивность и нарастание речевой агрессии в политической интернет-коммуникации, обусловленные активными процессами общественной, социальной конфронтации. Мотивационные характеристики неолексем, в первую очередь их внутренняя форма (выступающая важным средством реализации манипулятивных прагматических установок адресанта), получают регулярную дискурсивную экспликацию. Ее характер коррелирует с признаками дискурсивных практик, определяющими закономерности языковой, метаязыковой рефлексии и речемыслительные стратегии коммуникантов. К наиболее ча-

стотным способам дискурсивного раскрытия внутренней формы слова и актуализации мотивационных моделей в современной политической ин-тренет-коммуникации относятся экспликация лексической мотивации и метатекстовая мотивация.

Acknowledgments / Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс) / The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.
2. ЯБ — *Яндекс.Блоги* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://yandex.ru/blogs>.
3. *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Дрофа ; Русский язык, 2000. — Режим доступа : <https://efremova.slovaronline.com>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — Москва : Книга по требованию, 2013. — 608 с. — ISBN 978-5-458-52192-5.
2. *Блинова О. И.* Ключевые термины мотивологии: испытание временем (1971—2011 гг.) / О. И. Блинова // Вестник ТГПУ. — 2012. — № 10 (125). — С. 136—140. — ISSN: 1609-624X.
3. *Кишина Е. В.* Характер мотивационных и метаязыковых связей в политических текстах / Е. В. Кишина // Актуальные проблемы современного словообразования : сб. науч. статей. Вып. 4. — Кемерово, 2011. — С. 413—418. — ISBN 978-5-8353-1205-4.
4. *Хазимуллина Е. Е.* Общая лингвистическая теория мотивации : к постановке проблемы / Е. Е. Хазимуллина // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 2 (043). — С. 144—155.
5. *Alves L. M.* The prefix ‘hyper-’ in a journalistic corpus of brazilian Portuguese / I. M. Alves // *Matraga-estudos linguisticos e literario*. — 2011. — № 18 (28). — P. 129—142.
6. *Anscombe J.-C.* Idiomaticity, lexicon and lexical schematas / J.-C. Anscombe // *Cahiers de Lexicologie*. — 2019. — № 1 (11). — P. 11—147.
7. *Balestero M. D.* Processes of neologism formation on instagram / M. D. Balestero, C. B. Clempi, D. S. Da Costa // *Revista da Anpoll*. — 2020. — № 1 (51). — P. 83—95. — DOI: 10.18309/anp.v1i50.1230.
8. *Cano D. P. V.* Word formation by external motivation in Spanish and French / D. P. V. Cano // *XLinguae*. — 2020. — Vol. 13, Iss. 1. — P. 225—236. — DOI: 10.18355/XL.2020.13.01.17.
9. *Chishman R.* The lexical neology phenomenon in the 2018 elections / R. Chishman, A. N. dos Santos, P. Martins // *Linha D’Água*. — 2020. — № 33 (1). — P. 129—149. — DOI: 10.11606/issn.2236-4242.v33i1p129-149.

10. *Gombocz E.* Kontrastive Wortformenanalyse Deutsch-Ungarisch. Wortfamilien unter didaktischem und lexikographischem Aspekt / E. Gombocz. — Mannheim : Institut für Deutsche Sprache, 2013. — ISBN 978-3-937241-39-5.

11. *Haarich N.* Wortschatzabbau. Untersuchung der Muster und Auswirkungen des Lexemverlustes auf die Wortfamilienstrukturen in historischen Wortschätzen : Inaugural-Dissertation [Electronic resource] / N. Haarich. — Düsseldorf, 2013. — 390 s. — Access mode : <https://docserv.uni-duesseldorf.de/servlets/DocumentServlet?id=34827>.

12. *Ološtiak M.* Theory of lexical motivation in Slovak lexicology / M. Ološtiak // *Skase journal of theoretical linguistics*. — 2019. — № 16 (3). — P. 136—155.

13. *Ulrich W.* Morphologische Bewusstheit — Wie sie uns hilft, unbekannte Wörter zu verstehen / W. Ulrich // *Der Sprachdienst*. — 2017. — № 6. — S. 264—276. — ISSN: 0038-8459.

14. *Ulrich W.* Prayed and exhausted! Between Occasionalisms and Neologisms / W. Ulrich // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. — 2020. — № 48 (1). — S. 167—186. — DOI: 10.1515/zgl-2020-0005.

15. *Umbreit B.* Does love come from to love or to love from love? Why lexical motivation has to be regarded as bidirectional / B. Umbreit // *Cognitive perspectives on word formation*. — 2010. — № 221. — P. 301—333. — DOI: 10.1515/9783110223606.

SEMANTIC AND MOTIVATIONAL CHARACTERISTICS OF NEOLEXEMES OF ENMITY: DISCURSIVE DISCLOSURE OF INNER FORM OF THE WORD¹

© **Larisa N. Rebrina (2020)**, orcid.org/0000-0003-0512-980X, ResearcherID G-6420-2015, Scopus Author ID 56241972800, SPIN 3971-1615, Doctor of Philology, professor, leading research scientist, Department of German and Roman Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Volgograd State University” (400062, Russia, 100 Universitetsky Ln., Volgograd); leading research scientist, Department of Mass Communication Languages, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin” (620002, Russia, 19 Mira Str., Ekaterinburg), lnrebrina@volsu.ru.

The article presents the results of a study of a number of Russian-language neolexemes functioning in Internet communication over the past two decades. The object of the analysis are subjects designations with the suffix *-oid* (Russian *isteroid*, *oranzhoid*, etc.). By their pragmatic components of meaning we consider these lexical units to be the vocabulary of enmity. They are united by the special role of the structural motivator in the formation of motivational meaning. Semantic and motivational characteristics of the nouns are described. Their partner tokens are found out. Conclusions are made about the influence of atypical combinatorics on the meaning of the word-forming component and on the transformed classification feature; about the blurring of boundaries between different language variants and styles. It is shown that in the immediate context, the properties attributed to the designated subjects are verbalized.

¹ The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

The author analyzes the regularities of discursive disclosure of the inner form of the studied units by means of explication of motivational connections within different types of motivation. It is revealed that the most frequent way to actualize motivational models in the addressee's speech-thinking strategies in Internet communication is the explication of lexical motivation and metatext motivation, while the explication of structural motivation and occasional author's motivation are less frequent. It is shown that the specificity of discursive practices affects the reflecting consciousness of the addressee, and the patterns of representation of motivational models are refracted through the features of discourse.

Key words: enmity vocabulary; subject designation; motivation; semantics; inner form of the word; structural motivator; lexical motivator.

MATERIAL RESOURCES

AA — *Archiv avtora*. (In Russ.).

YaB — *Yandeks.Blogi*. Available at: <https://yandex.ru/blogs>. (In Russ.).

Efremova, T. F. (2000). *Novyy tolkovo-slovoobrazovatelnyy slovar' russkogo yazyka*. Drofa; Russkiy yazyk. Available at: <https://efremova.slovaronline.com>. (In Russ.).

REFERENCES

- Akhmanova, O. S. (2013). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva: Kniga po Trebovaniyu. (In Russ.).
- Alves, L. M. (2011). The prefix 'hyper-' in a journalistic corpus of brazilian Portuguese. *Matraga-estudos linguisticos e literario*, 18 (28): 129—142.
- Anscombe, J.-C. (2019). Idiomaticity, lexicon and lexical schematas. *Cahiers de Lexicologie*, 1 (11): 11—147.
- Balestero, M. D., Clempi, C. B., Da Costa, D. S. (2020). Processes of neologism formation on instagram. *Revista da Anpoll*, 1 (51): 83—95. DOI: 10.18309/anp.v1i50.1230.
- Blinova, O. I. (2012). Klyuchevyye terminy motivologii: ispytanie vremenem (1971—2011). *Vestnik TGPU*, 10 (125): 136—140. (In Russ.).
- Cano, D. P. V. (2020). Word formation by external motivation in Spanish and French. *XLinguae*, 13 (1): 225—236.
- Chishman, R., Dos Santos, A. N., Martins, P. (2020). The lexical neology phenomenon in the 2018 elections. *Linha D'Água*, 33 (1): 129—149. DOI: 10.11606/issn.2236-4242.v33i1p129-149.
- Gombocz, E. (2013). *Kontrastive Wortformenanalyse Deutsch-Ungarisch. Wortfamilien unter didaktischem und lexikographischem Aspekt*. Mannheim: Institut für Deutsche Sprache. (In Germ.).
- Haarich, N. (2013). *Wortschatzabbau. Untersuchung der Muster und Auswirkungen des Lexemverlustes auf die Wortfamilienstrukturen in historischen Wortschätzen: Inaugural-Dissertation*. Düsseldorf. Available at: <https://docserv.uni-duesseldorf.de/servlets/DocumentServlet?id=34827>. (In Germ.).
- Kishina, E. V. (2011). Kharakter motivatsionnykh i metazykovykh svyazey v politicheskikh tekstakh. In: *Aktualnyye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya*. Kemerovo. 4: 413—418. (In Russ.).
- Khazimullina, E. E. (2015). Obschaya lingvisticheskaya teoriya motivatsii: k postanovke problemy. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2 (043): 144—155. (In Russ.).

- Olostiak, M. (2019). Theory of lexical motivation in Slovak lexicology. *Skase journal of theoretical linguistics*, 16 (3): 136—155.
- Ulrich, W. (2017). Morphologische Bewusstheit — Wie sie uns hilft, unbekannte Wörter zu verstehen. *Der Sprachdienst*, 6: 264—276. (In Germ.).
- Ulrich, W. (2020). Prayed and exhausted! Between Occasionalisms and Neologisms. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 48 (1): 167—186.
- Umbreit, B. (2010). Does love come from to love or to love from love? Why lexical motivation has to be regarded as bidirectional. *Cognitive perspectives on word formation*, 221: 301—333.